

> МАГИСТРАЛЪ >

САБАХАТТИН АЛИ

ДЬЯВОЛ ВНУТРИ НАС

Москва

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Туз)-44
А50

Sabahattin Ali
İÇİMİZDEKİ ŞEYTAN

Перевод с турецкого *Аполлинарии Аврутиной*
Литературный редактор *Влад Чарный*
Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Али, Сабахаттин.

А50 Дьявол внутри нас / Сабахаттин Али ; [перевод с турецкого А. Аврутиной]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-181238-6

Легендарный турецкий писатель Сабахаттин Али стал запоздалым триумфальным открытием для европейской литературы. В своем творчестве он раскрывал проблемы взаимоотношений культур и этносов на примере обыкновенных людей, и этим быстро завоевал расположение литературной богемы. В романе «Дьявол внутри нас» Сабахаттин Али вновь исследует человеческую душу и крупными мазками изображает Стамбул начала XX века.

Омер — юноша интеллигентный, открытый и романтичный, однако Дьявол, живущий в нем, делает его инфантильным и безвольным. Влюбленность в кузину Маджиде, студентку консерватории, переворачивает его жизнь с ног на голову, и он отчаянно пытается сразиться со своим Дьяволом, но неизбежно утягивает девушку вслед за собой.

Внезапное появление первой любви Маджиде — пианиста Бедри — заставляет Омера задуматься: должен ли он и дальше рушить жизнь своей возлюбленной? Или Дьявол внутри него одержит победу?

УДК 821.512.161-31
ББК 84(5Туз)-44

ISBN 978-5-04-181238-6

© Аврутина А.С., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

I

В одиннадцать часов пополудни из Кадыкёя¹ к Галатскому мосту² следовал теплоход, на палубе которого сидели двое молодых людей и беседовали. Ближе к борту сидел полный и белолицый юноша со светлокаштановой шевелюрой. Взгляд его карих близоруких глаз, сощуренных под очками в черепаховой оправе, медленно скользил то по лицу его приятеля, то по залитым солнечным светом водам Босфора. Его прямые и довольно длинные волосы постоянно выбивались из-под съехавшей на затылок шляпы, падая на правую бровь и очки. Говорил он очень быстро, и от этого его губы становились особенно красивыми, и красоту их подчеркивала борода, обрамлявшая его лицо.

Его приятель был бледным, тщедушным и худым, с нервными безостановочными жестами и колючим взглядом.

Оба были среднего роста, и обоим было самое большее двадцать пять лет.

¹ Кадыкёй — район в азиатской части Стамбула.

² Галатский мост — один из мостов через бухту Золотой Рог в европейской части Стамбула.

Толстяк, пристально глядя на море, рассказывал:

— Я бы расхохотался, если б не сумел себя сдержать. Когда историк начал ей задавать вопросы один за другим, девчонка совсем растерялась и смотрела по сторонам, словно звала на помощь. Я знал, что она даже не открывала конспекты, так что, думаю, ну все — засыпалась. И тут я заметил, что Умит подмигивает профессору за ее спиной. Ну и в итоге спустя несколько вопросов профессор ответил на них сам и отпустил девчонку.

— Профессор что — сохнет по Умит?

— Да он по каждой юбке сохнет — посмотри на него!

Затем он стукнул приятеля по колену и добавил — так, будто это касалось только что рассказанной истории:

— Как мне наскучила жизнь! Все надоело! Учеба, профессора, занятия, друзья... И даже девушки. Все достало! До тошноты!

Он немного помолчал. Затем поправил очки и продолжил:

— Ничего мне не хочется. Ничто меня не радует. Чувствую, что с каждым днем все больше погружаюсь в лень, и очень этим состоянием доволен. Может, через некоторое время меня захватит такое безразличие ко всему, что я даже скуки испытывать не буду. Каждый должен что-то делать, но что-то такое... Или уж вообще ничего не делать! И вот я думаю: что мы можем сделать? Ничего! В нашем мире, которому миллионы лет, самым старым предметам двадцать тысяч лет. Да и эта цифра преувеличена. Я позавчера беседовал с нашим профессором философии. Я начал беседу нашу довольно

серьезно и постарался обсудить проблему «смысла нашего бытия». Но он так и не сумел мне объяснить, какого черта мы оказались в этом мире. Он принялся нести что-то о радости творчества, о том, что жизнь сама по себе имеет смысл, однако это все неубедительно! Что тебе творить? Творить — это создавать что-то из ничего. Но даже голова самого умного из нас — это не больше, чем хранилище знаний и опыта, накопленного нашими предшественниками. И поэтому когда мы хотим создать что-то новое, на самом деле мы придаем старым вещам новую форму и выбрасываем на рынок. Не понимаю, как такое нелепое занятие может удовлетворить человека. В то время как есть звезды, свет которых доходит до нас лишь за пять тысяч лет, просиживать годы для того, чтобы попытаться обрести бессмертие, написав труды, которые через пятьдесят лет сгниют на книжной полке, а через пятьсот лет от них не останется даже названия? Или копать всю жизнь в глине, или корпеть над мрамором, лишь бы три тысячи лет спустя твою статую нашли без рук, без ног, но взяли бы в какой-нибудь музей? Увольте, я считаю это крайне глупым.

Он немного помолчал и проговорил назидательно:

— Мне кажется, единственное, что мы можем сделать, — это умереть. Ведь только это в наших силах и только в этом мы можем проявить свою волю. Спросишь меня, почему я этого не делаю? Но я тебе уже говорил, меня обуяло страшное безразличие. Мне все лень! Живу по инерции. Эх!

Он зевнул во весь рот. Вытянул ноги. Пожилой мужчина, сидевший напротив него, читавший армянскую газету, недовольно поджался и бросил на него косой взгляд.

Приятель молодого человека, видимо, слышал все это уже сотни раз, поэтому слушал его явно вполуха, рассеянно глядя по сторонам и думая о чем-то своем. Иногда он хмурился и что-то бормотал под нос, будто пытался собраться с мыслями.

Когда его товарищ окончил свою речь, тот спросил с многозначительной улыбкой:

— Омер, у тебя деньги есть? Выпьем раки¹ сегодня вечером?

— У меня-то нет, — ответил тот с видом прожженного человека, что не вязалось с его давешними словами. — Но с кого-нибудь стрясем. Если б я сегодня заглянул в контору, то легко бы нашел, но я туда совершенно не собираюсь.

Худой многозначительно покачал головой:

— Тебя скоро вышвырнут оттуда. Разве можно так прогуливать? И так все конторы только и ищут повод, чтобы избавиться от сотрудника, который учится в университете. А у того, кто, как ты, трудится на почте, дела совсем плохи. Там время особенно дорого. Ну, по крайней мере, должно быть дорого.

Затем он с улыбкой добавил:

— Ясно теперь, почему письма из Баязида в Эминёню² идут сорок восемь часов! Благодаря таким усердным сотрудникам почты, как ты!

Омер невозмутимо ответил:

¹ Раки — традиционная турецкая анисовая водка.

² Баязид, Эминёню — районы в европейской части Стамбула, расположенные близко друг от друга. Герой сетует на то, что идут они слишком медленно.

— Я не имею никакого отношения к письмам. Я — бухгалтер. С утра до вечера заполняю учетные книги. А по вечерам иногда помогаю кассиру. Ах, дорогой мой Нихат, как же приятно считать деньги!

Нихат внезапно оживился.

— Как интересно! — проговорил он. — Вообще-то деньги очень интересная штука. Часто я достаю из кармана лиру, кладу ее перед собой и рассматриваю часами. Вроде бы нет в ней ничего особенного. Несколько искусно переплетенных линий, вроде тех, которые вычерчивают в школе на уроках каллиграфии. Разве что эти линии чуть потоньше и запутаннее. Затем на купюре идет рисунок, несколько коротких надписей и одна-две подписи... Если наклониться к купюре, то в нос ударит резкий запах жира и грязи. Но подумай только, дорогой мой, какая сила в этой грязной бумажке!

На мгновение он закрыл глаза.

— Скажем, в один прекрасный день нападает на тебя ужасная тоска. Жизнь кажется мрачной, бессмысленной. Начинаешь философствовать вроде того, как ты это делал только что. А потом надоедает и это, и становится неохота не то что рассуждать — даже рот раскрывать. Тебе кажется, что никто и ничто не в состоянии тебя развлечь или оживить. Раздражает даже погода. Либо слишком жарко, либо слишком холодно, либо долгий дождь. Прохожие, как идиоты, смотрят тебе вслед и бегут дальше по своим пустяковым делам, высунув язык, как козлы за пучком соломы. Собравшись с мыслями, ты пытаешься разобраться в своем душевном состоянии. Перед тобой являются неразрешимые загадки человеческого духа. Ты, как за спасательный

круг, хватаешься за вычитанное в книгах слово «депрессия». Потому что каждому из нас свойственно непременно давать название всему тому моральному или материальному, что с нами происходит, всем нашим проблемам, а если у нас нет такой возможности, то мы окончательно сходим с ума. Если бы люди утратили такую потребность, то доктора бы с голоду умерли. И вот в тот самый момент, когда ты захлебываешься в бурном бескрайнем море душевной тоски, которую ты настойчиво называешь депрессией, перед тобой внезапно появляется твой старинный приятель, с которым ты давно не виделся. Ты сразу замечаешь, что он прилично одет, и тут ты сразу вспоминаешь о собственном безденежье и, если повезет, просишь у старинного друга займа. И вот тут-то начинаются чудеса! Внезапно откуда ни возьмись налетает ветер, который сдувает всю туманную муть из твоей души, а на сердце становится легко, светло и свободно. От былой тоски не остается и следа. Ты с довольным видом взираешь по сторонам и тоже начинаешь искать приятеля, с которым можно поболтать. Таким образом, друг мой, с помощью двух грязных бумажек ты получаешь то, чего не мог получить от груд книг и многочасовых размышлений. Так как тебе трудно признаться самому себе, что дух твой готов выкидывать номера за столь низкую плату, и поэтому ты, конечно, попытаешься приписать перемену своего настроения какой-либо более основательной причине, например, более высоким облакам или более прохладному ветру, который внезапно подул тебе в затылок... Или какой-то особенно удачной мысли, которая тебя посетила. Однако, между нами говоря, все происходит

ровным счетом наоборот, ведь именно благодаря нескольким лирам, попавшим к нам в карман, мы замечаем, что и погода не такая уж плохая, и ветер дарит нужную прохладу, и мысли наши не такие уж глупые... Вставай, друг мой, мы уже у пристани. В один прекрасный день из-за денег мы все либо сойдем с ума, либо станем господами мира. А пока давай попробуем раздобыть немного денег на раки и выпьем несколько рюмочек за наше блестящее будущее...

II

Нихат завершил свою речь и поднялся, чтобы уходить, однако Омер не двигался с места. Он тронул друга за плечо, Омер вздрогнул, но не двинулся с места. Нихат наклонился посмотреть, не задремал ли его приятель, и увидел, что тот неотрывно смотрит на одну из противоположных скамеек и настолько поглощен увиденным, что утратил всякую связь с окружающим миром. Нихат тоже посмотрел туда внимательно, однако ничего не заметил. Затем снова положил руку Омеру на плечо.

— Вставай же!

Омер ничего не ответил, только поморщился: оставь, мол, меня в покое.

— Что случилось? Куда ты смотришь?

Омер наконец повернул голову:

— Замолчи и садись!

Нихат повиновался.

Пассажиры не спеша поднимались со своих мест и направлялись к выходам. Омер вытягивал шею, наклонялся то вправо, то влево, чтобы продолжать смотреть туда, куда смотрел. Нихат толкнул его локтем и рявкнул:

— Слушай, мне надоело! Скажи наконец, куда ты смотришь?

Омер медленно повернул голову и с таким видом, будто произошло непоправимое несчастье, проговорил:

— Там сидела девушка. Ты видел?

— Не видел. И что?

— И я никогда раньше не видел.

— Что за вздор ты несешь?!

— Я говорю, что сроду не видел такого прекрасного создания.

Нихат досадливо поморщился и снова встал.

— Хоть ты и любишь громкие слова, да и мозги у тебя есть, не стать тебе серьезным человеком!

После этих слов слабая ироническая улыбка еще некоторое время дрожала на его губах, затем ее сменило прежнее равнодушное выражение. Омер тоже поднялся. Вытянув шею и поднявшись на носки, он искал кого-то в толпе. Потом обернулся к Нихату.

— Все еще сидит, — сообщил он.

Затем, глядя прямо в глаза приятелю, взволнованно заговорил:

— Прекрати свою пустую болтовню! Сейчас я переживаю самые важные минуты в своей жизни. Мое предчувствие еще никогда не обманывало меня. Произошло или вот-вот произойдет нечто чрезвычайное. Мне показалось, что я знал эту девушку еще до своего рождения, до сотворения мира и вселенной. Как же мне тебе объяснить? Неужели же мне нужно обязательно сказать, чтобы ты понял: «Я влюбился, как безумный, с первого взгляда, я горю, я сгорел!» Самое странное,

что мне больше нечего сказать, кроме этих слов. Я даже удивлен, как я вообще могу тут стоять и болтать с тобой. Отныне каждая минута, проведенная вдали от нее, для меня равносильна смерти. Не удивляйся, что та самая смерть, которую я еще недавно превозносил, перестала мне казаться привлекательной. А почему бы тебе и не удивляться? Откуда мне знать? Да я и не собираюсь тебе ничего объяснять. Зачем? Только прошу тебя сейчас, дай мне какой-нибудь простой совет, без чванства и спеси! Посоветуй, как мне быть! Ведь я в ужасном положении. Если я хоть на миг потеряю из виду эту девушку, вся моя жизнь до самой смерти уйдет на то, чтобы отыскать ее вновь, и длиться это будет недолго... Боже, какой я вздор говорю! Но это сущая правда. Представь, если я больше никогда не увижу ее! Ничего страшней этого я не могу себе вообразить. Но, с другой стороны, такое развитие событий кажется самым логичным. Подумай, вот я сейчас уже не могу вспомнить ее лицо. Но уверен, что в глубине моей памяти с давно забытых времен хранится ее четкий, словно высеченный в камне образ. Если даже в этой толпе я закрою глаза, неведомая сила все равно непременно приведет меня к ней.

Произнеся свой болезненный монолог, Омер на самом деле закрыл глаза и сделал несколько шагов вперед. Левой рукой он все еще сжимал запястье Нихата. Пальцы его дрожали, как у человека в лихорадке, и Нихат с опаской посмотрел на него. Хоть он и привык ко всякого рода сумасбродным выходкам приятеля, но такое сильное волнение все же насторожило его.

— Что ты за странный человек, Омер!

Влажная ладонь Омера еще крепче сжала его кисть.

— Смотри, смотри! Она все еще здесь! Ты что, не видишь?

Нихат повернул голову и увидел на одной из опустевших скамеек черноволосую девушку. Рядом сидела пожилая полная дама; они о чем-то беседовали. У девушки в одной руке была толстая папка с нотами, которую она другой рукой прижимала к себе. Она время от времени изящно кивала, и при этом вьющиеся волосы струились вокруг изящной шеи. В глаза бросались строгие очертания ее подбородка, которые свидетельствовали о сильной воле. На таком расстоянии трудно было разобрать, о чем они беседуют, однако девушка то умолкала с видом человека, окончательно вынесшего свое суждение, то снова произносила несколько фраз, словно сообщала об окончательно принятом решении. Взгляд ее был строг и прям. Все в ней дышало простотой. Время от времени ее бледная рука с тонкими пальцами поднималась, а затем опускалась на обитую кленкой скамью. Ногти на пальцах были аккуратно и коротко острижены. Оглядев девушку с ног до головы, Нихат перевел глаза на приятеля, словно спрашивая его: «Ну чего ты в ней нашел?»

Но Омер глухим, точно со сна, голосом пробормотал:

— Ничего не говори! У тебя на лице написано, что ты намерен сказать какую-то глупость. Но я принял решение. Сейчас подойду к ней, возьму ее под руку и...

Он умолк, на мгновенье задумался и продолжил:

— ...и, наверное, что-нибудь скажу ей. А может, она первая заговорит. Уверен, она меня сразу признает